ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

Л. ГЕРАСКИНА
В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

«МАЛЫШ»

Лия Борисовна Гераскина

В Стране невыученных уроков (сборник)

Серия «Детская иллюстрированная классика»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42240178
В Стране невыученных уроков: Издательство АСТ; М.; 2019
ISBN 978-5-17-113238-5

Аннотация

В книгу вошли две сказочные повести Л. Гераскиной: «В Стране невыученных уроков» и «В Стране невыученных уроков-2». Первая повесть была издана более полувека назад и сразу стала очень популярной у маленьких читателей. В волшебной стране двоечнику Вите Перестукину предстоит решить свою судьбу, поставив одну несчастную запятую в предложении казнить нельзя помиловать в нужном месте… Быть грамотным, любить родной язык, уметь считать – важно. Но ещё важнее уметь сопереживать и ценить дружбу. Вот что дети усвоят, читая добрые, весёлые и поучительные сказочные истории.

Иллюстрации в книге народного художника РФ В. Чижикова.

Для детей младшего школьного возраста.

Содержание

В Стране невыученных уроков 8
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Лия Борисовна Гераскина
В Стране невыученных уроков

© Гераскина Л.Б., насл., 2019
© Чижиков В.А., ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

В Стране невыученных уроков

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо. Даже смешно сказать, из-за чего мне влепили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

– Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили. А мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился». Это значит – «он исчез». Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы:

– Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь, как следует?

По-моему, я и так ответил, как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашаются. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несёшь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Потому я и шёл домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а всё равно придёшь домой. Хорошо ещё, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

– И в кого ты такой? – удивлялся папа. – Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

– Воли у него нет, – добавляла мама и тоже удивлялась: –

В кого бы это?

Все мои родные, оказывается, имели твёрдый характер и сильную волю, а вот я почему-то не имею. Поэтому-то я и не решался сразу притащиться домой, имея в портфеле пять двоек.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живёт в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от неё нет покоя – ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Серёжа Петькин. Он пришёл узнать, не получены ли новые марки. Серёжа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать марки может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А вот когда я их припёр к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушёл, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, ещё разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого?

Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то уж знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось всё больше, а идти домой – всё меньше. На пути остался только один магазин. Неинтересный – хозяйственный. В нём противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

– А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом…

KHILN

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах всё, что написано в дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, неужели она сможет прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнётся…

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

– Немедленно садись за уроки, – сказала мама и взяла трубку.

За уроки, когда я так устал! Я хотел хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать в глазах! А вдруг она прочтёт про двойки?

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

– Убери на своём столе! – крикнула вдогонку мама.

Легко сказать! Я иногда просто сам удивляюсь, глядя на

свой стол. Как много предметов на нём умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, линейки и карандаши. Их теснят гвозди, камеры для мяча, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама их совсем не любит. Не раз она выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгрёб туда все свои вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и перед глазами замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно – писать двойку красными чернилами. Ведь всё хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру – и радуешься. В школу ходить не надо. Пятёрка тоже красненькая. Значит, тройку, двойку и кол надо писать чёрными чернилами. Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, тёплый, и мальчишки за окнами гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня на воротах? Наверно, опять Сашка. Он давно метит на моё место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускает ни одной игры, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже слушать любит, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает. Не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычут только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесполезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну, двойку и решил лучше заняться

арифметикой. Тут тоже ничего приятного не было. Начал решать задачу о каких-то землекопах. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было немножко отвлечься и послушать… Но чей голос я услышал? Голос Зои Филипповны! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам. Я готовиться не собирался. Пришлось радио выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как надо её решить, но… в окно влетел футбольный мяч. Вот красота! Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно во двор, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

– Витя! Ты делаешь уроки? – кричала она из кухни. Там у неё что-то шипело и ворчало на сковороде. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если б мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня… Что бы придумать для первого вопроса? Я уже начал было соображать, но мне опять помешали. В окно заглянула Люся Карандашкина. Одна косичка была у неё перевязана красной лентой, а другая – распущена. И это не только сегодня. У неё почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая.

Лучше бы она больше внимания обращала на свою причёску, чем на чужие двойки, тем более что у неё и своих двоек хватает. Люся сказала, что задача о землекопах в самом деле очень трудная. Даже её бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

– Давай решать вместе! – предложила Люся.

Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Лучше уж самому.

Стал снова рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром». Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике в погонах и вернуться к землекопам. Ну что с ними, постылыми, делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем!

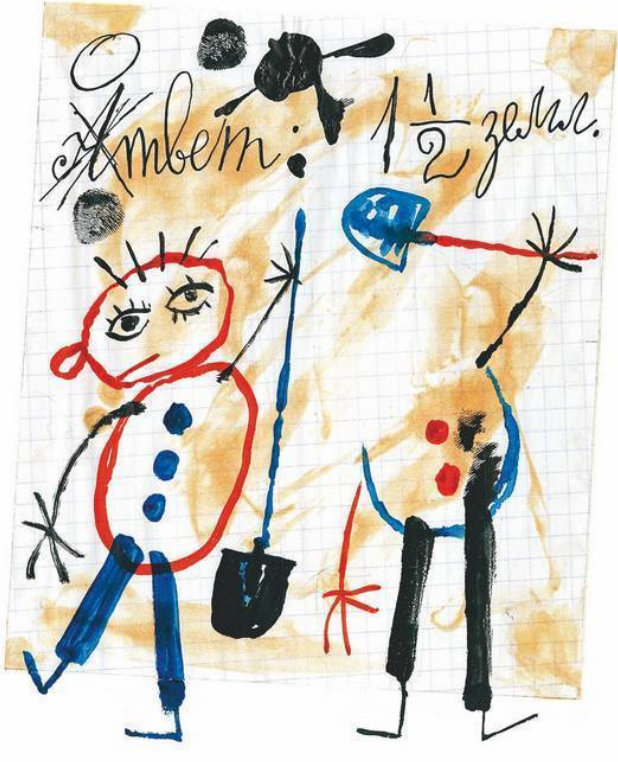
– Что же всё-таки делать с землекопами? Может быть, помножить их на метры?

– Не надо помножать, – возразила Люся. – Всё равно ничего от этого не узнаешь.

Назло ей я всё-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить к другому вопросу. И я решил разделить метры на землекопов.

– Не надо делить, – опять вмешалась Люся. – Я уже дели-

ла. Ничего не получается.



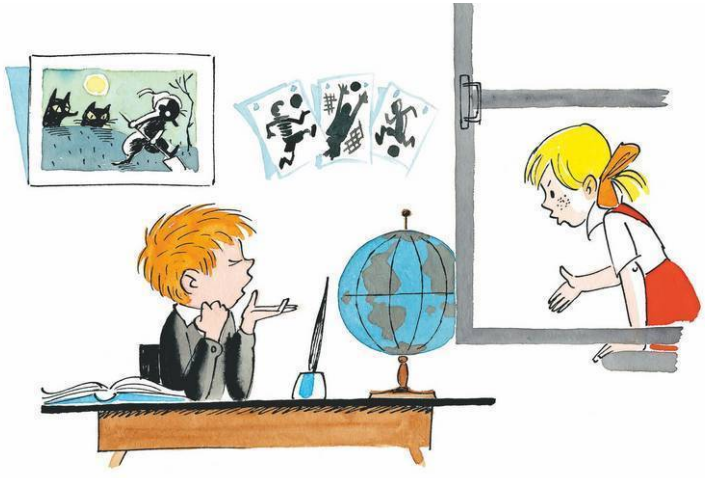
Конечно, я не послушал и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответа в задачнике. Но, как назло,

там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнить полтора землекопа. Почему полтора? Но в конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу покончили с траншеями. И работу скоро бы сделали, и школьникам головы не забивали. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, если б не вмешалась Люська.

– А когда будем учить стихи? – спросила она меня.

– Какие стихи?

– Как – какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин, торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.



– Это потому, что они неинтересные, – сказал я. – Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочёл ей на память:

Нам учиться целый день
Лень, лень, лень.
Надоело!
Нам бы бегать и играть,
Мяч бы по полю гонять —
Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила.

Вдвоём мы быстро одолели «крестьянина». Я уже собирался вылезти потихоньку в окно, но Люся опять вспомнила, что мы ещё должны вставлять пропущенные буквы в слова.

У меня даже зубы заныли от досады. Кому интересно делать бесполезную работу! Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Но делать нечего. Как не хотелось, а вставлять пришлось.

П…друга дней моих суровых,
Г…лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Так ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над ней, и всё.

Но как же быть с этой «п…другой»? Мы посоветовались и решили уже вставить букву «а», как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припереться. Я во всяком случае их не звал. Не хватало ещё, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегодня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрилы относились свысока, потому что учились лучше нас.

У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто ей выдали их за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, всё делала с толком и никуда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком его звала бабушка. Поэтому и мы все стали его так называть. Только Катя звала его Евгением. Она любила всё делать правильно.

Катя поздоровалась, посмотрела на Люсю и сказала:

– Опять у тебя коса расплелась. Это неряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причёсываться.

Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

– Раз вы здесь оба, – сказала Катя, – мы вас двоих и подтянем.

– Подтягивайте скорей, – закричала Люся, – а то нам некогда! Мы ещё не все уроки сделали.

– А какой ответ получился у вас в задаче? – спросила Катя точь-в-точь, как Зоя Филипповна.

– Полтора землекопа, – ответил я нарочно очень грубо.

– Неправильно, – спокойно сказала Катя.

– Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! – ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя вздохнула, покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

– Ей больше всех надо! – выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

– Пойдём, Евгений. Они ещё и грубят!

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы очень этому удивились. Наверно, он заметил, как мы с Люськой его передразнивали. Катя сказала, что они сейчас же уйдут и от этого хуже будет только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

– Прощайте, лодыри, – ласково сказала Катя.

– Прощайте, лодыри, – пискнул Женьчик.

– Попутный ветер в спину! – гаркнул я.

– До свидания, Пятёркины-Четвёркины! – пропела Люська Карандашкина.

Это, конечно, было не совсем вежливо. Ведь они были у меня в гостях. Конечно, я их не звал, но всё же…

Вежливо, невежливо, а всё-таки я их выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно, до чего не хотелось делать уроки! Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось была сильная воля. Надо будет помириться с ней и спросить, как это она её приобрела. Папа говорит, что каждый человек может

выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасность. Ну а с чем бороться? Папа говорит – с ленью. Но разве лень – это трудность? Нет, здесь что-то не так. А вот опасность я бы с удовольствием презирал, да только где ж её возьмёшь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По-моему, когда человека силой заставляют делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье. Я даже из истории это вижу. Не хотелось крестьянам быть крепостными и работать на помещиков, а их заставляли. Они и были несчастными. Не хотелось рабочим, чтобы их притесняли на фабриках, а их заработки забирали хозяева, но их заставляли. Они тоже были несчастливы. И очень хорошо сделали, когда вместе с крестьянами устроили революцию и ликвидировали царя как класс. Теперь все стали свободными, работают на себя и потому счастливы. Я не терплю, когда людей угнетают и заставляют делать то, что им совсем не хочется.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и скучные. И они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных

землекопов, вставлять пропущенные буквы и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я вдруг так возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и швырнул на пол.

– Надоели! – закричал я не своим голосом.

И вдруг раздался такой грохот, как будто с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно. А ведь только что за окном светило солнце. Потом комната осветилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знако-

мое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

– А кто вы такие будете?

– Ты присмотрись внимательней, может быть, и узнаешь, – ответил человечек с кляксой.

– Он не привык глядеть на нас внимательно точка, – сердито сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я всё понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

– Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде

на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! – кричала География.

– Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак. Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак, – надрывалась Грамматика.

– Почему вы так напали на меня? Разве Серёжа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

– Пять двоек! – крикнули хором учебники.

– Но ведь я приготовил уроки сегодня!

– Сегодня ты неправильно решил задачу!

– Не усвоил зоны!

– Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

– Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак. Не знать родного языка тире позор запятая

несчастье запятая преступление восклицательный знак.

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без ударных гласных и без умения решать задачи и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники сразу онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я на их глазах нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, вы думаете, наказать? Ничего подобного, – спасти! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки с ней сразу же согласились.

– А есть ли в этой стране трудности и опасности? – спросил я.

– Сколько угодно, – ответила География.

– Всё путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два – четыре, – прибавила Арифметика.

– Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак! – воскликнула Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не трогай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!» И ещё с десяток разных «не», которых я терпеть не могу. Может, как раз в этом путеше-

ствии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером – вот папа удивится!

– А может быть, придумаем для него что-нибудь другое? – спросила География.

– Не надо мне другого! – закричал я. – Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасно-трудную страну.

Я было хотел спросить их, а удастся ли мне там закалить волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки, но не спросил. Раздумал.

– Ну хорошо, – сказала География, – решено.

– Ответ правильный. Перерешать не будем, – добавила Арифметика.

– Отправляйся немедленно точка, – закончила Грамматика.

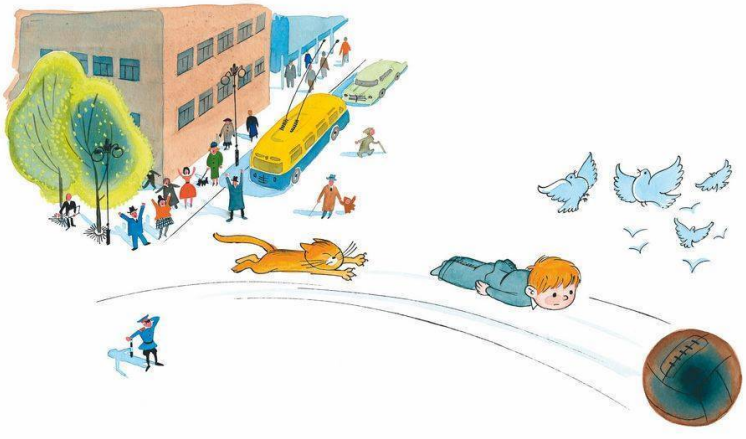
– Ладно, – сказал я как можно вежливей. – Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

– Мы поступим так запятая, – сказала Грамматика, – как всегда поступали в русских народных сказках точка. Возьмём клубок многоточие.

Но клубка у нас никакого не было. Моя мама не умела вязать.

– Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? – спросила Арифметика, так как я не понял, что такое «шарообразное», она объяснила: – Это всё равно, что круглое.

Круглое? Я вспомнил, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её и отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус – великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.



Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой. После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя – за мной.

– Назад! – крикнул я коту, но он не послушался.

– Я пойду с тобой, – заявил мой кот человеческим русским голосом.

География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

– Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

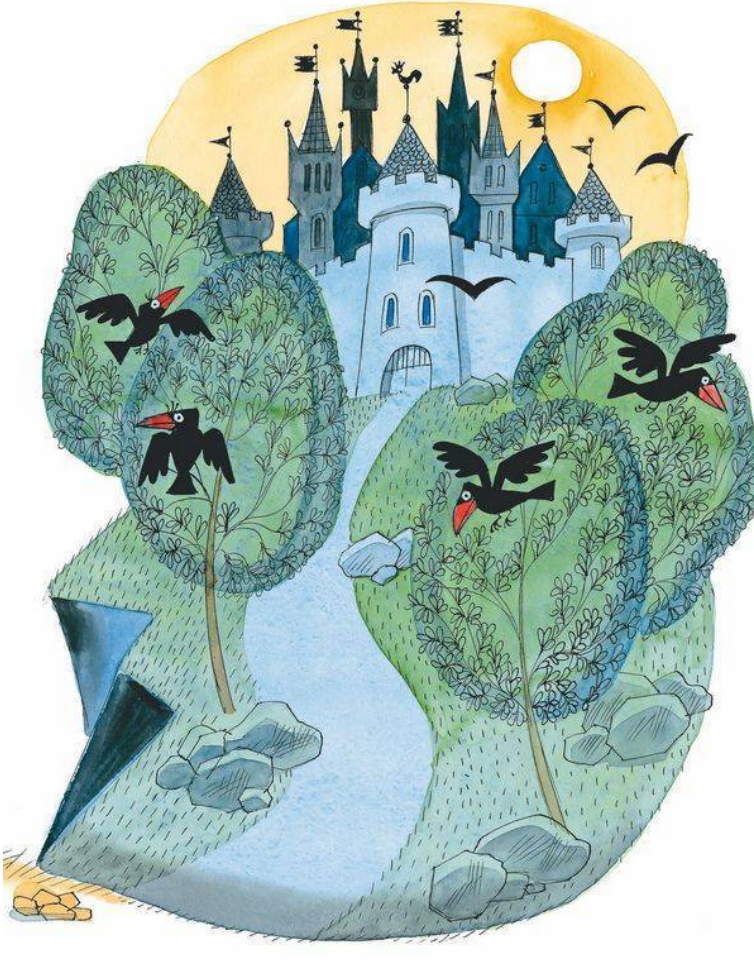
Мы с Кузей прыгнули с подоконника и сразу стали быстро подыматься в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не

смотрел. Боялся – голова закружится. Чтоб не было так уж страшно, не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели – не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Всё же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счётом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любит наблюдать за всем, что двигается. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной дорожке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним. За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.



У моего папы есть серебряный портсигар. На нём выреза-

ны две переплетённые буквы – Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям как палка.

Согнутый держал огромный карандаш, а прямой – такую же ручку. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт? Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

– Ты кто? – отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричал во весь голос:

– Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Я вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

– А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

– Это кот, – объяснил я Крючку, – он животное. А животные имеют право не учиться.

– Имя? Фамилия? – допрашивал Крючок.

– Перестукин Виктор, – ответил я, как на перекличке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

– Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! – без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Мне это здорово надоело. Мяч привёл нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я

понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

– Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

– Пиши! – крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ… и остановился.

– Пиши! Дальше! – приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: клюЧИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило… А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется… Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

– Нельзя! Неуч! Невежда! Ох! Увы! Пиши! Сразу! Пра-

вильно! – Почему-то он ничего не говорил спокойно, только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

– Зря расселся, – сказал Кузя, – всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

– Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишется ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный – замоЧЕК; родительный – замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно – замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить «ключик». Именительный – клюЧИК, родительный – клюЧИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать «клюЧИК».

Палка захлопал в ладоши и закричал:

– Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК. КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я запросто вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего…

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за Деда Мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим чёрным шёлком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой. Старуха нам не понравилась сразу.

Кузе она напомнила бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у неё сосиски.

– Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! – сказала старушка.

Старик важно посмотрел на меня.

– Перестань! Не злись, Запятая! – приказал старик.

Оказывается, это была Запятая! Ох и кипятилась же она!

– Как же мне не злиться, ваше величество? Ведь мальчишка ещё ни разу не поставил меня на моё место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошёл.

Запятая ещё больше засуетилась и прошипела:

– Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

– Расскажи, как ты учишься, – приказал мне Глагол.

– Скажи, что хорошо, – прошептал Кузя, но я как-то постеснялся и ответил, что учусь, как все.

– А знаешь ли ты грамматику? – ехидно спросила Запятая.

– Скажи, что отлично знаешь, – снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать вопросы! Но злой старухе до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

– Разные? – зашипела Запятая. – А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

– Давайте документы! – завопила старуха противным голосом.

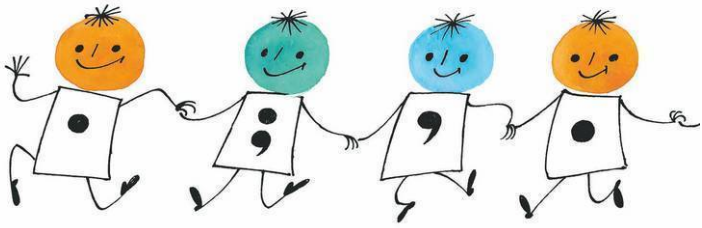
В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платьицах чёрные

кружочки, а у других – крючочки, у третьих – и крючочки и кружочки. Два человечка внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули её, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел ещё безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс!.. Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

– Двойка! – злорадно объявила Запятая, как будто и без неё не было ясно, что это двойка, а не пятёрка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было ещё хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.



– Перевернуть! – приказал Глагол.

Тетрадь застонала ещё жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глазами. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: «Эта коля».

– Перевернуть? – спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

– Довольно, – приказал старик. – Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

– Разрешите мне мяукнуть? – неожиданно вылез Кузя. – Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки всё-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

– Ах! Ох! Уморил! Потеха! Ой! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щёки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что не знаю, кто я. Кузя поддержал меня. По его мнению, это была нечестная игра. Глагол внимательно нас выслушал, обещал показать всех своих подданных и познакомить с ними. Он взмахнул линейкой – раздалась музыка, и на середину зала выбежали человечки с кружочками на одежде. Они стали плясать и петь:

Мы ребята точные,
Мы зовёмся точками.
Чтобы правильно писать,
Где нас ставить, надо знать.
Наше место надо знать!

Кузя спросил, знаю ли я, где их надо ставить. Я ответил, что иногда ставлю их правильно.

Глагол снова взмахнул линейкой, и точек сменили человечки, на платьицах которых были вышиты две запятые. Они взялись за ручки и спели:

Мы весёлые сестрички,
Неразлучные Кавычки.
Если я открою фразу, —

спела одна,

Я её закрою сразу, —

подхватила другая.

Кавычки! Знаю я их! Знаю и не люблю. Поставишь их – говорят, не надо; не поставишь – говорят, вот здесь-то и надо было поставить кавычки. Никогда не угадаешь…

После Кавычек вышли Крючок и Палка. Ну и смешная же это была парочка!

Крючок запел толстым голосом:

Меня и брата знает всякий,
Мы выразительные знаки.
Я самый значительный —
Вопросительный!

А Палка спел совсем коротко:

Я самый замечательный —
Восклицательный!

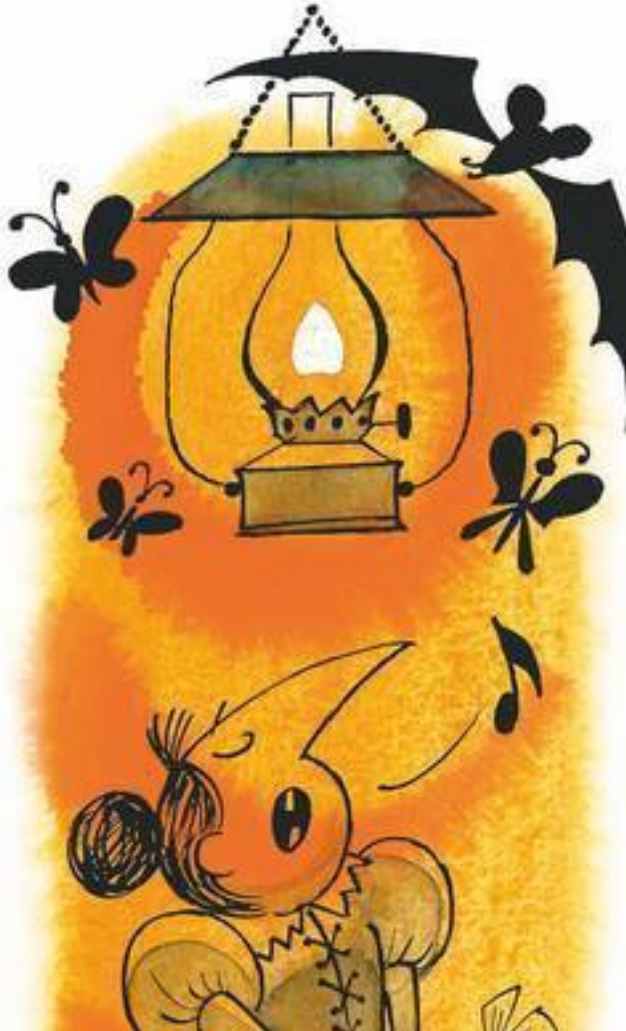
Вопросительный и восклицательный! Старые знакомые! Они были немножко лучше остальных знаков. Их реже надо было ставить, поэтому за них реже и попадало. Они были всё же приятней, чем эта злая горбунья Запятая. Но она уже стояла передо мной и пела своим скрипучим голосом:

Хоть я лишь точка с хвостиком,

Невелика я ростиком.
Но я грамматике нужна,
И я для чтения важна.

У Кузи даже шерсть стала дыбом от такого нахального пения. Он попросил у меня разрешения оторвать у Запятой хвостик и превратить её в точку. Разумеется, я не разрешил ему хулиганить. Может быть, мне самому хотелось кое-что сказать старухе, но надо же себя как-то сдерживать. Нагрубишь, а потом они тебя отсюда и не выпустят. А уйти от них давно уже хотелось. С тех самых пор, как я увидел свою тетрадь. Я подошёл к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта открыть, как Запятая заверещала на весь зал:

– Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!



Тут же она стала придумывать всякие примеры.

На моё счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Она весело махала хвостиком и ласкалась. Я нагнулся и погладил её по рыжей спинке.

– Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! – ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе чёрная доска. На ней было написано мелом: «С…бака».

Я быстро сообразил, в чём дело. Взял мел и вписал букву «а». Получилось: «Сабака».

Запятая расхохоталась. Глагол нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался её злой морды и побежал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стёр «а» и написал «о». Собака тут же перестала рычать, лизнула мою руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через «о».

– Может быть, только эта собака пишется через «о», – спросил Кузя, – а все другие через «а»?

– Кот такой же невежда, как его хозяин, – хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любой подлости.

Пока шёл этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу посветлело.

– Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! – радостно выкрикивал Восклицательный.

– Ваше величество, солнце, – шепнула Запятая Глаголу. – Спросите невежду…

– Хорошо, – согласился Глагол и махнул рукой. На чёрной доске исчезло слово «Собака» и появилось слово «Со…нце».

– А какая буква пропущена? – спросил Вопросительный.

Я прочёл ещё раз: «Со…нце». По-моему, тут ничего не пропущено. Если все буквы на месте, зачем же вставлять

лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился всё больше и больше. Луч солнца скрылся. А в зале стало темно и очень холодно.

– Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! – вопил Восклицательный.

– Где солнце? Где тепло? Где свет? – беспрерывно, как заведённый спрашивал Вопросительный.

– Мальчишка рассердил солнце! – гневно гремел Глагол.

– Я замерзаю, – плакал Кузя и жался ко мне.

– Отвечай, как пишется слово «солнце»! – приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово «солнце»? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: «Солнце! Солнышко! Солнечный!» Ага! Вылезла буква «л». Я схватил мел и быстро вписал её. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

– Да здравствует солнце через букву «л»! – весело запел я.

– Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! – кричал Восклицательный.

Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

– Солнышку весёлому школьный наш привет! Нам без солнца милого просто жизни нет.

– Замолчать! – рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

– Прибывший к нам ученик четвёртого класса Виктор Перестукин, – сурово говорил старик, – обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово наказан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключите Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушёл. Запятая побежала за ним и всё время приговаривала на ходу:

– Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

Человечки принесли большие железные скобки и поставили их слева и справа от меня.

– Всё это очень плохо, хозяин, – сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. – Нельзя ли улизнуть отсюда?

– Это было бы очень здорово, – ответил я, – но ты же видишь, что я арестован, заключён в скобки и нас сторожат. Кроме того, и мяч лежит неподвижно.

– Бедный! Несчастный! – застонал Восклицательный. – Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

– Тебе страшно, мальчик? – спросил Вопросительный.

Вот чудаки! Почему мне должно быть страшно? Почему меня нужно жалеть?

– Не надо злить сильных, – серьёзно сказал Кузя. – Одна моя знакомая кошка имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пёс сорвался с цепи и навсегда отучил её от этой привычки.

Добрые знаки волновались всё больше и больше. Восклицательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла. Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу всё, что пожелаю, если правильно напишу своё желание. Конечно, тут же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос ещё раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах «любительская» и «полтавская» можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил написать просто «колбаса». Но есть колбасу без хлеба не очень-то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске: «Хлеп». Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели. Нас обманули.

– Где же ваш хлеб?

– Написано неправильно! – хором ответили знаки.

– Не знать, как пишется такое важное слово! – проворчал кот.

Я взял мел и крупно вывел: «Калбаса».

– Неправильно! – закричали знаки.

Я стёр и написал: «Калбоса».

– Неправильно! – завопили знаки.

Я опять стёр и написал: «Колбоса».

– Неправильно! – заорали знаки.

Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

– Поели и хлеба, и колбасы, – вздохнул Кузя. – Непонятно, зачем мальчики ходят в школу. Неужели тебя там не научили правильно написать хоть одно съедобное слово?

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стёр «колбасу» и написал «лук». Тотчас же явились точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся

и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слёзы.

Вдруг раздался гонг.

– Не плачь! – крикнул Восклицательный. – Ещё есть надежда!

– Как ты относишься к Запятой, мальчик? – спросил Вопросительный.

– По мне, она вовсе не нужна, – ответил я откровенно. – Читать можно и без неё. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь её поставить, тебе непременно попадёт.

Восклицательный ещё больше расстроился и стал охать на все лады.

– А ты знаешь, что запятая может решить судьбу человека? – спросил Вопросительный.

– Хватит рассказывать сказки, я не маленький.

– Мы с хозяином уже давно не котята, – поддержал меня Кузя.

В зал вошли Запятая и несколько Точек, которые несли большой свёрнутый лист бумаги.

– Это приговор, – объявила Запятая.

Точки развернули лист. Я прочёл:

ПРИГОВОР
по делу невежды Виктора Перестукина:
КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

– Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Помиловать! – обра-

довался Восклицательный. – Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Великодушно! Ура! Чудесно!

– Вы думаете, казнить нельзя? – серьёзно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чём они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет, нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

– Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

– За что казнить? – закричал я. – За что?

– За невежество, лень и незнание родного языка.

– Но ведь тут ясно написано: казнить нельзя.

– Это нечестно! Мы будем жаловаться, – вопил Кузя, хватая Запятую за хвостик.

– Ах! Ох! Увы! Ужасно! Не переживу! – стонал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же расправились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует и, пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя. Милиции и суда здесь тоже, конечно, нет. Прямо как в старое время. Что царь захотел, то и делает. Вообще этого царя, его величество Глагола Повелительного Наклонения следовало бы тоже ликвидировать как класс. Распоряжается тут всей грамматикой!..

Восклицательный ломал ручки и всё время выкрикивал какие-то междометия. Из его глазок катились мелкие слёзки.

Вопросительный приставал к Запятой.

– Неужели вы ничем не можете помочь несчастному мальчику?

Они всё-таки были славные ребята, эти знаки!

Запятая немного поломалась, но потом ответила, что я сам мог бы себе помочь, если бы знал, где надо поставить запятую в приговоре.

– Пусть он наконец поймёт, какое значение имеет запя-

тая, – важно сказала горбунья. – Запятая может даже спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет.

Конечно, я этого хотел!

Запятая хлопнула в ладошки, и на стене появились огромные часы. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать.

– Пять минут на размышление, – скрипела старуха. – Ровно в двенадцать запятая должна стоять на месте. В двенадцать часов и одну минуту уже будет поздно.

Она сунула мне в руку большой карандаш и сказала:

– Раз!

Часы тут же принялись громко отстукивать и отсчитывать время. «Тик-так, тик-так, тик-так». Вот протикают несколько раз, и минутка долой. А их всего пять.

– Вопросы будут? – дрожащим голосом спросил Вопросительный.

– Будут, – обрадовался я. – Куда мне поставить запятую?

– Увы! Решай сам! – заплакал Восклицательный.

Кузя подбежал к нему и стал ласкаться.

– Подскажи, подскажи моему хозяину, где надо поставить ту проклятую запятую, – умолял Кузя. – Подскажи, просят же тебя как человека.

– Подсказать? – завизжала Запятая. – Ни в коем случае! У нас подсказка строго запрещена!

А часы тикали. Я взглянул на них и обомлел: они уже успели отстучать три минуты.

– Зови Географию! – завопил Кузя. – Разве ты не боишься смерти?

12
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Я боялся смерти. Но… а как же тогда быть с закаливанием воли? Я же должен презирать опасность, а не бояться её. А если я сейчас струшу, где я потом опять достану себе опасность? Нет, это мне никак не подходит. Звать никого нельзя. Что я в самом деле скажу Географии? Здравствуйте, уважаемая География! Извините за беспокойство, но я, понимаете, немножко сдрейфил…

А часы тикали.

– Торопись, мальчик! – закричал Восклицательный. – Ох! Ах! Увы!

– Знаешь ли ты, что осталось всего две минуты? – тревожно спросил Вопросительный.

Кузя заурчал и вцепился когтями в подол Запятой.

– Ты желаешь мальчику смерти, – злобно шипел кот.

– Он её заслужил, – сказала старуха, отдирая кота.

– Что же мне делать? – нечаянно вслух спросил я.

– Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! – выкрикивал Восклицательный. Слёзы лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело – рассуждать, когда… Но всё же я решил попробовать.

– Казнить нельзя помиловать… Если я поставлю запятую после слова «казнить», то будет так: «Казнить, нельзя помиловать». Значит, получится – нельзя помиловать? Нельзя!

– Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! – зарыдал Вос-

клицательный. – Казнить! Увы! Ох! Ах!

– Казнить? – спросил Кузя. – Нам это не подходит.

– Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? – сквозь слёзы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута… А что будет потом? Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать:

– А если поставить запятую после слов «казнить нельзя»? Тогда получится: «Казнить нельзя, помиловать». Вот это мне и надо! Решено. Ставлю.

Я подошёл к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова «нельзя». В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

– Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! – радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела:

– Помни, что когда ты даёшь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на моё место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твёрдо обещал ей, что научусь.

Наш мяч зашевелился, и мы с Кузей заторопились.

– До свидания, Витя! – кричали вслед знаки препинания. – Мы ещё с тобой встретимся на страницах книг, на листах твоих тетрадей!

– Не путай меня с братом! – кричал Восклицательный. – Я всегда восклицаю!

– Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? – спрашивал Вопросительный.

Мяч выкатился за ворота. Мы побежали за ним. Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго ещё слышались выкрики Восклицательного. Потом всё смолкло, и замок скрылся за холмом.

Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали всё, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, спас себя сам.

– Да, это вышло удачно, – согласился Кузя. – Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот служил в мясном магазине. Он никогда не ждал, пока продавец рас-

щедрится и бросит ему довесок. Он сам угощался лучшим мясом. Этот кот всегда говорил: «Никто так о тебе не позаботится, как ты сам».

Что за противная привычка была у Кузи десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животными. Вот, например, он сам, Кузя, вёл себя, как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кузя замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил какую-то рыжую кошку Фроську, которая говорила: «Ради дружбы отдам последнюю мышь». Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя – животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделать. Я решил рассказать ему ещё одну полезную историю, которую слышал от папы.

Как люди одомашнили некоторых животных. Я ему рассказал, как кошки и собаки стали друзьями человека. Как человек выбрал их среди других животных. Как вы думаете, что мне ответил этот нахальный кот? Собаку, по его мнению, человек выбрал сам и тем самым совершил ужасную ошибку. Ну а кошку… с кошкой всё обстояло не так. Потому что не человек выбрал кошку, а кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я надолго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошёл бы до того, что объявил царём природы не человека, а кошку. Нет, Кузиным воспитанием надо было заняться серьёзно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чём не задумывался? Запятая

сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И правда. Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить запятую. Я бы, наверно, никогда не отставал в классе, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в крестики-нолики. Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, ещё не известно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

А интересно было бы посмотреть, как справилась бы на моём месте Катя? Хорошо, что она не видела меня в замке у Глагола. Вот разговоров было бы… Нет, всё же я доволен, что побывал в этой стране. Во-первых, я теперь всегда буду правильно писать слова «собака» и «солнце». Во-вторых, я понял, что правила грамматики учить всё же надо. Они могут пригодиться при случае. А в-третьих, оказалось, что знаки препинания в самом деле нужны. Вот если бы мне дали прочесть целую страницу без знаков препинания. Смог бы я её прочесть и понять, что там написано? Я бы читал, читал, не переводя дыхания, пока не задохнулся. Что тут хорошего? Кроме того, я мало что понял бы от такого чтения.

Так я думал про себя. Кузе всё это рассказывать было бы не к чему. Я так раздумался, что не сразу заметил, когда кот начал жаловаться на жару. В самом деле, становилось всё жарче и жарче. Потом я увидел, что трава под ногами сильно пожелтела. Листья свернулись в трубочку. Земля стала твёрдая, словно асфальт, а местами даже потрескалась.

Очень захотелось пить, но нигде не было ни одного ручейка. Кузя изнывал от жажды. Я сам много бы дал за стакан газированной с сиропом. Но об этом можно было только мечтать.

Мы шли мимо русла высохшей речки. На его дне, как на

сковородке, валялись сухие рыбки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.